

На следующий день Цзя Чжу и Сююй поднялись задолго до рассвета. Наскоро проглотив по чашке жидкой рисовой каши, они в сопровождении слуг сели в экипаж и отправились к экзаменационному двору Шунтяньской управы. Распорядок испытаний мало отличался от провинциальных экзаменов, но сами задания оказались несравнимо сложнее. Первый тур требовал написать три сочинения по «Четверокнижию» и разобрать четыре толкования священных канонов. Во втором туре от кандидатов ждали одного философского рассуждения, пяти судебных вердиктов, а также составления императорского указа, манифеста и прошения. Третий же тур состоял из пяти пространных трактатов по истории и искусству государственного управления. Даже усердному Цзя Чжу в тесной экзаменационной кабинке пришлось писать не щадя сил, до полного изнеможения. Заготовив стопку бумаги, он сперва набрасывал мысли в черновик и лишь затем аккуратно переписывал работу на чистовик.

Эти девять дней слились для Цзя Чжу в один бесконечный кошмар. Он писал без устали, прерываясь лишь на то, чтобы перекусить черствыми сладостями и сделать глоток чая. Когда сон брал свое, он просто ронял голову на стол, а очнувшись, вновь брался за кисть. К концу испытаний все кандидаты выглядели жалко и истощенно. Даже Сююй, который во время прошлых экзаменов справлялся раньше времени и откровенно скучал в своей кабинке, лакомясь припасенными угощениями, на сей раз вышел наружу бледным и изнуренным. Шатаясь от усталости, он едва держался на ногах, так что Цзя Чжу пришлось крепко поддерживать его под руку.

Понимая, какая ответственность лежит на них теперь, юноши не смели расслабляться. Шестнадцатого числа, едва покинув экзаменационный двор, они поспешили в усадьбу Линь, чтобы показать свои черновики Шао Инлиню. Наставник первым делом развернул свитки Сююя. По мере чтения он довольно улыбался и одобрительно кивал:

— Если твои экзаменаторы не окажутся непроходимыми глупцами, то первое место, звание *huìyuan*, достанется тебе по праву, а вовсе не по счастливой случайности.

Но стоило ему переключиться на черновики Цзя Чжу, как он нахмурился, засомневавшись.

Заметив это, Цзя Чжу попытался перевести все в шутку:

— Учитель, неужели у меня нет надежды войти в число успешных кандидатов? Мне бы только получить допуск к дворцовым экзаменам в следующем месяце, большего я и не прошу.

— Твоя работа, — медленно произнес Шао Инлинь, — написана на редкость живо и смело, в ней чувствуется глубина суждений. Однако объем подкачал — едва ли наберется по четыре сотни слов на каждый ответ. Попадется эксперт проницательный, ценящий оригинальность мысли — ты легко окажешься в первой тройке. Но если свиток достанется буквоеду и сухарю, то и провал удивления не вызовет. На экзаменах строго судят саму форму изложения.

Сююй тоже взял листы Цзя Чжу и быстро пробежал их глазами.

— Теперь я понимаю, о чем вы, учитель, — согласился он. — И все же поразительно, как Чжу-

эр ухитрился написать такое. Мысль здесь действительно глубокая, нешаблонная.

— Мне далеко до твоих талантов, брат Юй, — Цзя Чжу лишь пожал плечами. — Моя судьба в руках Неба. Будь что будет.

Слуги накрыли для них стол с легкими, неострыми закусками. Сил у юношей совсем не осталось; кое-как поев, они замертво рухнули на постели и проспали без задних ног до самого полудня следующего дня. Результаты столичных экзаменов должны были объявить семнадцатого числа, а уже двадцать второго кандидатов ждала переэкзаменовка. Цзя Чжу решил пока не возвращаться к себе и погостить у Линней, чтобы не тратить время на дорогу перед вторым испытанием.

Проспав почти сутки, Цзя Чжу поднялся на ноги свежим и полным сил. Однако Сююй все еще лежал пластом, укутавшись в одеяло и не выказывая ни малейшего желания просыпаться. Цзя Чжу пришлось буквально вытряхнуть его из постели и заставить проглотить пару ложек супа, но тот все равно сонный клевал носом.

Наступило семнадцатое число. Ведомство ритуалов обнародовало списки и отправило гонцов разносить благую весть по домам новоиспеченных ученых. Первым её получил дом Линь. В то утро Цзя Чжу и Сююй как раз сидели у Шао Инлиня, обсуждая предстоящую переэкзаменовку, когда в ворота двора вихрем влетел слуга Иньши.

— Молодой господин! Радость-то какая! — закричал он еще с порога. — Первое место! Вы стали huiyuan!

Все в комнате так и подпрыгли от радости. Наставник поспешил остановить запыхавшегося слугу:

— А про Чжу-эра что слышно? Какое у него место?

— Так вестники ведь прямиком к нам бежали, ради нашего молодого барина! — развел руками Иньши. — А за Старшим молодым господином Чжу наверняка в поместье Жунго отправились.

Шао Инлинь кивнул. Все поспешили в передний двор. Управляющий Линь Цзинь уже провел гонца в кабинет Линь Хая. Хозяин дома держал в руках красную записку, светясь от счастья. Там значилось: «Первый в высшем разряде, победитель экзамена — huiyuan, Линь Сююй, пятнадцати лет, уроженец Шунтяньской управы».

Ошибки быть не могло. Слуги ликовали. Гонец, рассыпаясь в поздравлениях, намекнул на традиционный подарок. Обычно за такую новость жаловали десять ланов серебра, но сияющий Линь Хай велел управляющему выдать целых двадцать. Вестник согнулся в три погибели от благодарности.

— Разузнай скорее, как сдал экзамен Старший молодой господин Чжу из поместья Жунго, — напутствовал его Линь Хай. — Принесешь весть — не обижу.

Гонец полетел исполнять поручение.

Тем временем Цзя Чжу отправил слугу Чжэн Вэня в поместье Жунго узнать, не приходили ли добрые вестники туда, а второму слуге, Жуньби, велел бежать прямо к экзаменационным воротам — проверить вывешенные списки.

Вскоре Жуньби вернулся. Он выглядел нерешительным и смущенным.

— Барин, имя ваше есть среди сдавших, — пролепетал он. — Вы зачислены в списки gongshi... но только на тридцатом месте.

— Не может быть! — Сюйюй вскочил со стула. — Чжу-эр просто не мог оказаться тридцатым! Ты уверен, что ничего не перепутал?

— Разве посмел бы я сгруппировать в таком важном деле, молодой барин? — взмолился Жуньби. — Народу там было видимо-невидимо, еле пробился к самому краю доски. Несколько раз перепроверил: и имя, и уезд — все сходится. Точно тридцатый.

Тут подоспел и Чжэн Вэнь. Он подтвердил: в поместье Жунго тоже доставили весть о тридцатом месте. В комнате воцарилось неловкое молчание. Никто не знал, как утешить Цзя Чжу, но тот лишь мягко улыбнулся:

— Да бросьте вы. Это ведь всего лишь предварительный список — xingbang. Двадцать второго числа будет переэкзаменовка, а в следующем месяце — испытания во дворце. Неважно, какой у меня сейчас номер, главное — я допущен к аудиенции у императора. Я и сам предполагал, что так случится...

Видя, что юноша ничуть не расстроен, окружающие вздохнули с облегчением. Впереди ждали важнейшие испытания, и сейчас следовало сосредоточить все силы на подготовке.

Но почему же Сюйюй взял первенство, а Цзя Чжу оказался лишь на тридцатой строчке?

Дело в том, что главными экзаменаторами на этот раз были назначены великий секретарь Восточного павильона Се Юэ и министр ритуалов Сунь Цзянай. К слову, он приходился родным дедом Хоу Сяохуа. Разбором же работ Сюйюя занимался его непосредственный экзаменатор — заместитель начальника Приказа дипломатических ритуалов Хоу Сяохуа, тогда как свиток Цзя Чжу попал в руки к ректору Государственной академии Ли Шоучжуну.

Хоу Сяохуа славился своим высокомерием и мало кого жаловал, однако, прочитав копию работы Сюйюя, выполненную красной тушью, он пришел в искренний восторг. «Совершенное

знание Пятикнижия, взвешенные ответы на вопросы государственного управления, да к тому же трактат длиною более чем в тысячу иероглифов, написанный слогом безупречной красоты!» — такую оценку дал он свитку и незамедлительно представил его главным экзаменаторам как лучшую работу.

Увидев это, его дед Се Юэ даже не стал вникать в подробности и лишь рассмеялся:

— Чудеса, да и только! Неужели отыскался свиток, уязвивший гордость нашего Хуа-эра? Помню, сколько чужих блестящих работ ты безжалостно браковал...

Оба главных экзаменатора внимательно изучили текст и согласились: работа действительно заслуживала высшей оценки. Позже, когда пришла пора сопоставлять анонимные красные свитки с оригиналами и вписывать имена в ведомость, Хоу Сяохуа обнаружил, что победителем оказался Сююй. Он вспомнил их мимолетную встречу в Поместье принца Цзиня и невольно нахмурился.

«Надо же, а мальчишка не промах, — подумал он. — Посмотрим, как он покажет себя на дворцовом экзамене»

Свиток же Цзя Чжу достался Ли Шоучжуну. Тот намеревался просить для юноши место в тройке лучших: пусть первое место уже занято, но второе или третье было бы в самый раз.

Однако министр Сунь Цзянай, просмотрев работу, рассудил иначе. Он признал, что мысли автора не лишены проницательности, но посчитал его ответы излишне краткими на фоне остальных, да и стиль изложения показался ему простоватым. Посчитав недопустимым вносить такое сочинение в верхний список, министр самолично передвинул его на тридцатое место. Возразить ему никто не решился.

Когда Ли Шоучжун вскрыл конверты, чтобы вписать имена в итоговый реестр, и узнал, что это была работа Цзя Чжу, он глубоко вздохнул от досады. Впрочем, наставник понимал: на дворцовом экзамене перед лицом самого государя у Цзя Чжу еще будет шанс проявить себя во всем блеске.